

Голайденко Лариса Николаевна

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК КОГНИТИВНАЯ НОМИНАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ)

Статья посвящена многоаспектному анализу существительного "представление" - номинации соответствующей когнитивной категории, которая квалифицируется как структурно-семантическая в современной русистике. Субстантив "представление" рассматривается в качестве лексико-морфологического средства выражения семантики воспоминания / воображения в современном русском языке. Особое внимание уделяется функционированию номинатива "представление" в художественной прозе и отражению им специфики наглядно-чувственного образа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 56-63. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

OLONKHO AND THE KHAKASS HEROIC EPOS "AI-KHUUCHIN"

Gogoleva Marina Trofimovna, Ph. D. in Pedagogy
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
mtgogoleva@mail.ru

The article considers the problem of identifying genetic relationships of olonkho and the Khakass heroic epos. The search for the origins of the epic style of the Altai-Sayan peoples' oral poetic tradition is represented by an important link in understanding of the genesis of the Yakut heroic epos olonkho. The idea of studying olonkho and the Khakass heroic epos in comparative terms is suggested by the task of reconstruction of the epic style, which was common in the era of ancient ethnic contacts.

Key words and phrases: olonkho; epic traditions; the Khakass heroic epos; parallels; compliance with linguistic units; literary means.

УДК 811.161.1

Филологические науки

Статья посвящена многоаспектному анализу существительного «представление» – номинации соответствующей когнитивной категории, которая квалифицируется как структурно-семантическая в современной русистике. Субстантив «представление» рассматривается в качестве лексико-морфологического средства выражения семантики воспоминания / воображения в современном русском языке. Особое внимание уделяется функционированию номинатива «представление» в художественной прозе и отражению им специфики наглядно-чувственного образа.

Ключевые слова и фразы: структурно-семантическая категория представления; существительное «представление»; функционирование в художественной прозе; отражение специфики категории представления.

Голайденко Лариса Николаевна, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Ingolaydenko@gmail.com

**СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КАК КОГНИТИВНАЯ НОМИНАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ)[©]**

Категория представления, философско-психологическое содержание которой традиционно (классически) сводится к пониманию данной формы познания действительности как наглядно-чувственного образа воспоминания или воображения, отражаясь в языке, приобретает в нём статус структурно-семантической [3]. Это проявляется в том, что семантика представления, весьма актуальная для носителей русского языка, находит своё выражение на всех уровнях языковой системы.

Особенно продуктивна в данном отношении лексика [5], которая с морфологической точки зрения характеризуется различной частеречной принадлежностью и представлена существительными, прилагательными, глаголами (причастиями, деепричастиями) и наречиями.

Самыми частотными в художественной прозе являются существительные и глаголы. Из 9 608 фрагментов, выделенных нами методом сплошной выборки в 647 художественных прозаических текстах 102 писателей XIX-XXI вв., 34% (3 268 словоупотреблений) содержат примеры функционирования существительных и 68,7% (6 600 словоупотреблений) – глаголов с семантикой воспоминания / воображения. Статистические данные отражают случаи совместного (контактного / дистантного) использования существительных и глаголов в одних и тех же контекстах.

Несмотря на явное доминирование глаголов (их частотность выше в 2 раза), существительные со значением представления играют очень важную роль в выражении соответствующей семантики: они обозначают ключевые понятия – наглядно-чувственные образы воспоминания / воображения (*образ, представление, воспоминание, видение, грёза*); процессы представления, результатом которых являются эти наглядно-чувственные образы (*припоминание, воссоздание, мечтание*); мыслительные способности человека (*память, воображение*); отвлечённые свойства объектов действительности или их образов через отношение к представлению (*призрачность, иллюзорность*); склонности человека к процессам воспоминания / воображения (*памятливость, мечтательность*); людей, склонных к этим процессам (*фантазёр, утопист*) и др.

Такая универсальность в назывании наглядно-чувственных образов, процессов, свойств и носителей этих свойств обуславливает не только активное, но и многофункциональное использование существительных со значением представления в описаниях наглядно-чувственных картин, возникающих в сознании литературных героев.

Изучение существительных как части речи само по себе актуально в силу когнитивной уникальности и значимости слов данного лексико-грамматического класса для процессов отражения и осмысления человеком окружающей действительности. В связи с этим А. М. Пешковский пишет: «Категория существительного имеет огромное значение для нашей мысли. Без неё невозможны были бы никакое знание, никакая наука. <...> Характерно, что философский термин «субстанция», обозначающий неизменную сущность сменяющихся друг друга явлений, одного происхождения с латинским названием существительного (*substantivum*; впрочем, и у нас «сущность», «существо» и «существительное»). Существительное и есть, действительно, для языковой мысли то, чем для философской мысли является субстанция» [14, с. 94-95].

Вслед за А. Вежбицкой, О. К. Ирисханова полагает, что «существительное, представляя объект в виде нечленимого целого, гештальта, в акте номинации относит его к какому-либо классу объектов или категорий. <...> Следовательно, существительное служит для категоризации объектов...» [6, с. 64-65].

«Опредмечиваться» может «любое непрямое представление» (движения человека; различные состояния; пространственные, временные, количественные представления; различные душевные и физические явления и т.д. и т.п.). «Было бы совершенно бесплодным делом пытаться исчерпать в этом перечне все те вещественные значения, которые могут быть опредмечены с помощью категории существительного: это так же невозможно, как полная классификация вещей и явлений того внешнего и внутреннего мира, который эти значения отражает» [14, с. 94].

Многоаспектное исследование существительных со значением воспоминания / воображения тем более актуально, что они «опредмечивают», категорируют «объекты» ментальной сферы человека, выполняя функцию системообразующей доминанты в ряду лексико-морфологических единиц когнитивной семантики (чувственного отражения: ощущения, восприятия – речемыслительной, интеллектуальной деятельности: понятия, оценки и т.д.).

В соответствии с внутренней структурой данной категории, включающей процессы и результаты воспоминания и воображения, существительные с семантикой представления мы делим на 3 группы: 1) с общим, нейтральным значением представления; 2) с частным значением воспоминания; 3) с частным значением воображения.

В состав первой группы входят субstantивы *образ, картина, тень* и *представление*. Единственным девербативом из них является существительное *представление* (← см. *представить, представиться*» [12, с. 580]: *представить* – –6. Воспроизвести в мыслях, вообразить» [Там же], *представиться* – →. Явиться в мысли, в воображении» [Там же], то есть в итоге – «Воспроизведение в мыслях (= воспоминание), воображение»), которое, благодаря отглагольной природе, характеризуется яркой спецификой в выражении семантики воспоминания / воображения и поэтому требует отдельного, специального рассмотрения и многоаспектного анализа.

В картотеке нашего исследования содержится 125 примеров употребления существительного *представление* в художественной прозаической речи, что составляет всего 1,3% от общего числа употреблений лексико-морфологических единиц с семантикой представления и 3,8% от количества употреблений существительных со значением воспоминания / воображения.

Такая низкая частотность объясняется отнесённостью существительного *представление* (в соответствующем значении) к психической, ментальной сферам человека, следовательно, абстрактным характером когнитивной семантики данного номинатива, что обуславливает нечёткость, размытость его лексического значения.

«Отвлечённые имена характеризуются тем, что их основным признаком является отсутствие такого денотата, который существовал бы в виде отдельных предметов объективной и непосредственно наблюдаемой действительности. Поэтому их размытость связана в первую очередь не с предметами окружающего мира, а с человеком, его чувствами и разумом», и прежде всего – «с особенностями мыслительной деятельности человека: мысль испытывает возрастающие трудности на пути от конкретного к абстрактному, от частного к общему всё более высокого порядка, от понятий о вещах к понятиям о признаках, свойствах и отношениях. Её чёткость на этом пути в общем затемняется, а границы понятия как бы размываются» [8, с. 175].

Невысокая частотность существительного *представление* в художественной прозе мотивируется ещё и тем, что отвлечённость и поэтому нечёткость его общеязыковой семантики постоянно заставляет говорящего / пишущего конкретизировать эту семантику в речи, тем более что возможность такой конкретизации заложена как в содержании самой категории представления, формами бытия которого являются воспоминание и воображение, так и, соответственно, в общем значении представления, которое может «смещаться» коммуникативным контекстом в область одного из частных значений – воспоминания или воображения.

Например: *И было что-то острое, беспокойное в этом немеркнувшем представлении узкой полоски белых юбок и стройной ноги, и незнанием усилием воли он потушил его* (Л. Андреев. Бездна [20]); *Если бы она села, она бы уж не могла встать, и она начала молиться Богу; в её представлении он был чем-то огромным, как тьма вокруг и как боль в ней самой, как эта беспросветная земля, бесконечные потоки дождя, которые захлёстывали её, и она молилась ему без слов и жалоб <...>* (П. Проскурин. Судьба [15, с. 6]).

Очевидно, что в первом фрагменте словоформа *в представлении* употребляется в значении «В воспоминании», а во втором – «В воображении». Естественно, в каждом случае возможна «безболезненная» для смысла всего высказывания соответствующая лексико-семантическая замена.

Вместе с тем для выражения семантики воспоминания / воображения в русском языке много специальных лексико-морфологических средств, в том числе существительных, например 9 номинативов с общеязыковым значением воспоминания, 28 – с общеязыковым значением воображения [5, с. 126-128]. Поэтому в художественной прозаической речи наблюдается тенденция к употреблению лексики с общеязыковым частным значением воспоминания или воображения, каждое из которых конкретизирует сложное и размытое понятие *представления* как наглядно-чувственного образа.

Однако, несмотря на заменимость номинатива *представление* существительными со значением воспоминания или воображения, оно не вытесняется из лексической системы русского языка именами с частными значениями *представления* и пусть не очень активно, но всё-таки используется в художественной прозе. Это обусловливается, прежде всего, стремлением самого языка сохранить семантическое ядро категории *представления*, которое имеет синкретичный характер, совмещая значения чувственного и абстрактного, прошлого и будущего, воспоминания и воображения, реального и нереального, процесса и его результата.

Так же, как наглядно-чувственные образы памяти и воображаемые картины составляют одну категорию представления, взаимосвязаны и взаимообусловлены в едином, целостном познавательном процессе, существительные со значением воспоминания / воображения образуют одно ЛСП представления, взаимопроникаемы и предназначены для выражения соответствующей семантики в различных её смысловых проявлениях.

Так же, как представление не даёт распасться системе чувственных и абстрактных форм отражения действительности, существительное *представление* не даёт разрушиться ЛСП представления, составляя его ядро вместе с глаголами *представить / представиться, рисовать / рисоваться*, номинативами *образ, картина, тень*, производными от существительных прилагательными *картинный, образный* и синтаксическим дериватом последнего – наречием *образно* [Там же, с. 10].

Мало того, номинатив *представление*, обозначая соответствующее философско-психологическое понятие, когнитивную категорию, выступает семантической доминантой этого ядра, хотя и вторично с деривационной точки зрения, поскольку образовано от глагола *представлять* и является его синтаксическим дериватом.

К тому же в некоторых случаях равноценная лексико-семантическая замена этого субстантива номинативом со значением воспоминания / воображения невозможна в силу сохранения общего, нейтрального значения представления и / или эстетической значимости использования в художественной прозаической речи именно существительного *представление*.

Например: *Этот страшный вопрос: зачем? к чему? <...> заменился для него не другим вопросом и не ответом на прежний вопрос, а представлением её* (Л. Толстой. Война и мир [16, т. 3, с. 713]); *Но если мне хотя бы в малой доле удалось передать читателю представление о прекрасной сущности писательского труда, то я буду считать, что выполнил свой долг перед литературой* (К. Паустовский. Золотая роза [25]).

Отглагольное происхождение существительного *представление* определяет его богатый потенциал как одного из ключевых (вместе с глаголами *представить / представиться*) лексико-морфологических средств выражения семантики представления во всех её аспектах, обусловленных спецификой самого наглядно-чувственного образа.

Девербативная природа существительного *представление* требует также некоторых терминологических уточнений. Во-первых, в плане правомерности квалификации данного номинатива как отвлечённого или абстрактного; во-вторых, с точки зрения обоснованности применения по отношению к этому имени термина «отглагольное существительное».

Так, Л. О. Чернейко указывает на необходимость дифференциации отвлечённых и абстрактных существительных. «Абстрактное имя», по мнению учёного, «представляет собой высшую форму ментальной деятельности человека, поскольку оно обобщает такие стороны материальной действительности, которые, хотя и присущи ей, в самой действительности ничем, кроме мысли, не объединены» [17, с. 17]. В качестве примеров абстрактных существительных приводятся номинативы *космос, цель, свобода* и т.п.

К отвлечённым субстантивам исследователь относит «отадъективные и отглагольные собственно синтаксические дериваты, сохраняющие семантику производящего и имеющие в них семантическую опору» [Там же].

Действительно, существительное *представление* возникло в русском языке не как имя «чистой» абстракции, не как прямое, специальное название категории, созданной и вербализованной человеком в процессе максимально возможного абстрагирования от непосредственной данности каких-либо объектов действительности, без опоры на конкретный денотат, воспринимаемый органами чувств. Существительное *представление* опосредовано глаголом *представлять* и функционирует в ментальном пространстве языка как название действия, «динамического признака объекта» [6, с. 64], выделенного глаголом из целостной ситуации, ибо «источником глагольного значения является ситуация» [9, с. 36], но перенесённого, «отвлечённого» существительным в область субстанции и приобретающего благодаря опредмеченности ситуативную целостность. «Отглагольное имя обозначает действие, представленное в виде целостной ситуации» [6, с. 68].

Поэтому мы, вслед за Л. О. Чернейко, характеризуем существительное *представление* как отвлечённое.

А поскольку существительное *представление* обладает отвлечённой процессуальной семантикой и маркировано специфическим суффиксом *-ени/-* (именно в значении существительных на *-ни(е)* наблюдается усиление процессуальности [1, с. 5]), оно, по утверждению Л. В. Шапошниковой, действительно может быть квалифицировано как отглагольное существительное: «Термин «отглагольное существительное», строго говоря, можно отнести лишь к существительным на *-ние* процессуальной, отвлечённой семантики» [18, с. 10].

С когнитивной точки зрения «семантику любого отглагольного существительного можно представить в виде некоторого гибридного пространства, возникшего в результате слияния двух исходных когнитивных пространств – глагольного и именного» [6, с. 63].

О. К. Ирисханова считает, что «в зависимости от степени доминирования в семантике номинализаций» глагольных или субстантивных характеристик («действие / состояние / изменение, агенс, пациенс, партиципаны, цель, результат / продукт, причина, способ, инструмент и др. – целостность восприятия, протяжённость в пространстве, наличие границ, стабильность во времени, тождество самому себе, отделимость

от фона» [Там же]), «всё разнообразие отглагольных имён можно поместить на шкале, где на одном конце будут расположены существительные, семантически близкие глаголам (*бритьё, полыхание, бурение*), а на другом – номинализации, максимально приближённые к прототипическим существительным (*бритьва, вербовщик, варенье*). Размещённые подобным образом, отглагольные существительные будут отличаться степенью «предметности» своих гибридных пространств» [Там же, с. 65].

Если учёный рассуждает о возможности размещения на семантико-грамматической шкале «глагол – существительное» всех отглагольных номинативов, потому что они занимают промежуточное положение между типичными глаголами и существительными и обладают синкретичной семантикой, то мы обращаем внимание на уникальный характер номинатива *представление*, который индивидуально может быть рассмотрен на шкале переходности «глагол – существительное», поскольку терминологически обозначает не только процесс извлечения из памяти или конструирования в воображении наглядно-чувственного образа, но и сам этот образ как результат соответствующего процесса.

Однако одноплановая шкала «глагол – существительное» не способна отразить специфику субстантива *представление* как лексико-морфологического средства выражения семантики представления, как имени многоаспектной, сложно организованной и синкретичной когнитивной категории.

Да, как и любое другое отвлечённое отглагольное существительное на *-ние*, номинатив *представление* обладает семантической структурой, которая «представляет собой диалектическое единство субстантивного и глагольного компонентов» и органически сочетает в себе предметное и процессуальное значения [1, с. 5].

Но представление, как наглядно-чувственный образ, обнаруживает подвижность на нескольких пересекающихся когнитивных шкалах: 1) «восприятие – понятие», так как осуществляет переход от чувственных форм отражения действительности к абстрактным; 2) «воспоминание – воображение», поскольку проявляет себя в двух «ипостасях»; 3) «прошлое – будущее», потому что воспоминание и воображение отнесены к разным временным планам; 4) «реальное – нереальное», ибо воспоминанием «привязано» к реальным объектам действительности, а воображением может создавать картины желаемого или образы несуществующих в реальности объектов.

Поэтому существительное *представление* необходимо анализировать в рамках многомерной шкалы, совмещающей когнитивные и собственно лингвистические – лексико-семантические и грамматические – особенности данного субстантива: «предмет / восприятие / воспоминание / прошлое / реальное – действие / понятие / воображение / будущее / нереальное».

При этом заметим, что основу такой шкалы составляет грамматическая оппозиция «существительное – глагол», представленная основными лексико-грамматическими классами слов в русском языке, а части речи, в целом, и существительное / глагол, в частности, по словам А. М. Пешковского, есть «не что иное, как основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития» [14, с. 95].

Исходя из грамматического противопоставления существительного и глагола, расширим «возможности» субстантивного и глагольного компонентов в семантической структуре имени *представление* в плане отражения особенностей самой категории представления и её когнитивной номинации.

Субстантивный компонент в семантике существительного *представление* «выкристаллизовывает» предметно-чувственное начало представления, его связь с восприятием реальных объектов действительности, прошлым чувственным опытом, воспроизведением его в памяти в виде наглядно-чувственных образов.

Глагольный компонент, наоборот, подчёркивает ситуативный характер, «картинность» наглядно-чувственного образа, созданного в воображении, поэтому максимально приближённого к понятию, ориентированного в будущее как представления желаемого или продукта творческой фантазии. Этот образ к тому же характеризуется большей абстрагированностью по сравнению с воспоминанием, что объясняется «спецификой глагольного денотата – отсутствием чёткого членения ситуаций и их взаимообусловленностью, отличающим предикатную семантику от идентифицирующей» [10, с. 11].

Применительно к существительным на *-ние / -ние* в русском и словацком языках Зденка Новакова отмечает, что, как бы ни употреблялись в речи отглагольные номинативы, всегда возникает противоречие «между сигнификативным значением имени, стимулирующим субстанциональность, и его референциальной соотносённостью, стимулирующей глагольность». Это противоречие «является совершенно живым и постоянно возникающим в речевом употреблении, разрешаясь то в сторону глагольности, то в сторону субстанциональности, поэтому о лексикализации имён на *-ние / -ние* в русском и словацком языках можно говорить не столько применительно к словарю, сколько к контекстному употреблению» [11, с. 7].

Поэтому именно коммуникативный контекст, в нашем случае художественный прозаический, актуализирует в семантической структуре существительного *представление* или субстантивный, или глагольный компонент, а значит, фиксирует временную «остановку» наглядно-чувственного образа ближе либо к субстанции, либо к процессу в постоянном движении от восприятия к понятию, от воспоминания к воображению, от прошлого к будущему, от реального к нереальному и наоборот.

Ср.: *Марианна Николаевна увезла с собой и будет хранить до конца жизни, если никто её не разуверит, совершенно особое представление о Смурове* (В. Набоков. Соглядатай [28]); *Схватив одним взглядом новый предмет, правильно оценив его особенности, он уже больше не думал о том, что предмет сам по себе может меняться, принимать непредвиденные черты и уже больше не совпадать с тем представлением, которое он о нём составил* (В. Набоков. Король, дама, валет [30]); – *Ну что дальше – после школы в Зарайское летное, оттуда сразу сюда... Получили представление?* (В. Пелевин. Омон Ра [13, с. 5]); *Это была настоящая парижанка, во всяком случае в представлении Андрея. Она была высока, стройна, хороша и одета*

не по-малоярославецки и смотрела как-то сверху вниз (Б. Окуджава. Приключения секретного баптиста [31]); *Милое впечатление Наташи, которую он знал с детства, не могло соединиться в его душе с новым представлением о её низости, глупости и жестокости* (Л. Толстой. Война и мир [16, т. 2, с. 637]).

В приведённой последовательности примеров наблюдается усиление глагольного компонента в семантической структуре существительного *представление*, движение наглядно-чувственного образа от воспоминания к воображению, рост его отвлечённости и тяготение к понятию.

Актуализация субстантивного / процессуального значения в семантике существительного *представление* довольно часто обуславливается его «изолированным» [11, с. 5] или зависимым употреблением, характером валентностных связей, лексико-грамматическими особенностями распространителей.

Так, доминирование субстантивного компонента определяется употреблением данного номинатива в форме именительного падежа в функции подлежащего, «в беспредложных и предложных словоформах атрибутивной окраски» [1, с. 7], а также распространением «с помощью «левого» определителя – согласованного определения, имеющего указательное, субъектное, темпоральное, качественное значение» [11, с. 6]. Наиболее сильно «проявляет» субстантивное значение качественный «левый» определитель.

Например: *А у него-то было ложное представление, что проститутки – пьяные потрёпанные девицы возле Белорусского вокзала <...>* (Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик [22]); *«Зачем это?» – подумал он, невольно соединяя в своём представлении изображение Христа с освобождёнными, а не с заключёнными* (Л. Толстой. Воскресение [21]); *На следующий день случилось то, что было в моём представлении настоящей ссорой* (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом [27]).

Доминирование же глагольного компонента мотивируется употреблением существительного *представление* с дательным и родительным объекта, винительным, творительным, предложным падежами субстантивов и местоимений, сочетаемостью с наречиями [1, с. 6], распространением «правым» определителем – несогласованным определением, с помощью которого номинатив на *-ние* «реализует валентности, унаследованные именем от глагола» [11, с. 6]:

...С этим обнажённым телом он не мог связать представления о Зиночке (Л. Андреев. Бездна [20]); *В представлении Наташи Люба была человеком несчастным...* (А. Ананьев. Годы без войны [2, с. 530]).

Однако следует заметить, что существительное *представление* очень часто употребляется в художественной прозе с распространителями, одновременно «работающими» и на субстантивный, и на глагольный компоненты в семантике девербатива (это один из типов языкового поведения, свойственных именам на *-ние* [11, с. 5-6]).

Например: *Но моё предварительное представление о Крыме заставило меня увидеть его гораздо большей зоркостью...* (К. Паустовский. Золотая роза [25]); *У нас одинаковое с ним представление о медведе* (В. Астафьев. Последний поклон [24]).

Конечно, в данных примерах мы можем говорить о доминировании субстантивного компонента над глагольным в связи с преобладанием примет субстанциональности: изолированное употребление номинатива *представление* и его распространение «левым» качественным определителем против одного «правого» распространителя – формы предложного падежа существительного с предлогом *о*, имеющей в предложении объектное значение.

Кстати, о последней: предложно-падежная форма имени или местоимения со значением объекта (*о ком? о чём?*), распространяющая номинатив *представление*, несмотря на то, что является «наследницей» валентности глагола, на наш взгляд, может способствовать актуализации субстантивного компонента в семантической структуре существительного *представление*. Но с одним условием: если объект при данном номинативе будет выражен именем собственным со значением лица или нарицательным конкретным, как в предыдущих примерах (*о Зиночке, о медведе*). Если же объект будет назван абстрактным или, что ещё показательнее, отглагольным отвлечённым существительным, то соответствующий распространитель акцентирует в семантике имени *представление* глагольный компонент.

Например: *Разрешение вопроса о свободе и необходимости для истории <...> имеет то преимущество, что для истории вопрос этот относится не к самой сущности воли человека, а к представлению о проявлении этой воли в прошедшем и в известных условиях* (Л. Толстой. Война и мир [16, т. 4, с. 1276]).

Комплексное употребление при существительном *представление* и субстантивных, и глагольных распространителей объясняется не только отглагольным происхождением рассматриваемого номинатива, но и характером самой номинации, обозначающей уникальную по своей когнитивной природе категорию, включающую в себя «гармонизированные процессы и наглядно-чувственные образы воспоминания и воображения» [5, с. 12].

Особый интерес вызывают многочисленные случаи функционирования отвлечённого отглагольного существительного *представление* в форме множественного числа.

Например: *Его сведения об этом мире покоились на незамутнённых представлениях пионерских лет* (Б. Окуджава. Выписка из давно минувшего дела [23]); *В ту пору я ещё жил студенческими представлениями о финансовом могуществе и поэтому решил, что по крайней мере на два месяца мне обеспечена полная независимость* (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура [29]).

Категория множественного числа выступает «признаком соотношения взаимодействующих компонентов в семантической структуре отглагольного существительного», и «употребление во множественном числе отражает доминанту субстантивного компонента» [1, с. 7]. Этому же в данных и последующих примерах способствует распространение существительного *представление* «левым» определителем.

Бесспорно, что употребление отглагольных отвлечённых имён, как и абстрактных номинативов, влечёт за собой изменение их семантики, точнее, её конкретизацию [4]. По мнению Л. В. Калининой, она обуславливается психологическим и лингвокогнитивным факторами.

К первому фактору учёный относит психологическую очевидность, «которая выступает как устойчивое предпочтение конкретного абстрактному, проявляется практически во всех сферах человеческой жизни и отражена во множестве различных высказываний. Абстрактные понятия и слишком обобщённые категории не удовлетворяют мыслительных потребностей человека. Всё абстрактное (в широком смысле) оценивается человеком как нечто, не имеющее определённого содержания, слишком расплывчатое, не имеющее отношения к настоящей, реальной жизни» [7, с. 30].

Лингвокогнитивный же фактор, как считает Л. В. Калинина, проявляется в том, что «наиболее удобными для обработки и хранения информации о действительности являются категории базового уровня. Наилучшими (прототипическими) представителями существительных являются конкретные имена, а наилучшими (прототипическими) представителями конкретных имён – названия категорий базового уровня (*собака, дом, стол*). Именно поэтому там, где это возможно, человек стремится рассматривать то или иное явление как конкретное, то есть отдельное от других явлений и выступающее в качестве самостоятельной «единицы», «жванта» восприятия и осмысления» [Там же].

Именно поэтому в художественной прозаической речи наблюдается конкретизация когнитивной номинации *представление* и в плане реализации данным субстантивом одного из частных значений воспоминания / воображения, и в плане обозначения им процесса представления / его продукта – наглядно-чувственного образа разной степени абстрагированности.

Конкретизация отвлечённого девербатива *представление* наблюдается преимущественно в контекстах «с косвенным указанием на множественность» [Там же, с. 32] наглядно-чувственных образов: *Но задача была не по силам тёмному мозгу ребёнка, которому недоставало для этой работы зрительных представлений* (В. Короленко. Слепой музыкант [26]); *Он был недоволен, что в дом не взяли чёрного жеребёночка, а когда на него прикрикнули, чтобы он уgomонился, он разревелся, опасаясь, как бы его, как плохого и неподходящего мальчика, не отправили назад в детский магазин, откуда, по его представлениям, его при появлении на свет доставили на дом родителям* (Б. Пастернак. Доктор Живаго [32]).

В обоих примерах речь идёт о большом количестве наглядно-чувственных образов, которые отсутствуют, но должны бы быть или, наоборот, наличествуют в сознании одного персонажа. Причём в первом случае на это косвенно указывает «левый» определитель субстантива *представлений* – *зрительных*, потому что образы памяти / воображения квалифицируются в психологии как зрительные, подобно образам восприятия, множество которых обобщается именно в представлении.

Во втором фрагменте косвенным указанием на множественный характер наглядно-чувственных образов служит представляемая литературным героем ситуация (а ситуация всегда подразумевает некое множество объединённых в некую целостность объектов действительности – «Совокупность обстоятельств, положение, обстановка» [12, с. 717]), вербализованная в атрибутивной придаточной части *откуда его при появлении на свет доставили на дом родителям*, которая распространяет контактное существительное *магазин* («1. Учреждение, производящее розничную торговлю, а также помещение, в котором производится такая торговля» [Там же, с. 336]), также ассоциативно поддерживающее в данном художественном контексте семантику множественности объектов представления.

Кроме того, в первом отрывке представление конкретизируется как «следы» памяти – воспоминания: *зрительных представлений* – «Наглядно-чувственных образов воспоминания»; а во втором – как воображение – способность конструировать в сознании наглядно-чувственные картины с опорой на определённый опыт восприятия – преимущественно слуховой (о *детском магазине* явно говорили взрослые) и отчасти зрительный (персонаж-ребёнок видел магазин и знает, что это такое): *по его представлениям* – «В воображении».

Добавим также, что представления, описанные во втором примере, в большей степени отвлечённые по сравнению с наглядно-чувственными образами, названными в первом примере, поскольку воображаемые картины тяготеют к понятию, а вспоминаемые – к восприятию.

Косвенное указание на множественность наглядно-чувственных образов, возникающих в сознании разных людей, нередко дополняется указанием на множественность объектов представления, что находит грамматическое выражение в рядах однородных «правых» – объектных – распространителей номинатива *представления* – существительных в форме предложного падежа с предлогом *о / об*.

Например: *Слухи о войне и Бонапарте и его нашествии соединились для них с такими же неясными представлениями об антихристе, конце света и чистой воле* (Л. Толстой. Война и мир [16, т. 3, с. 766]); *...Дементий производил на них впечатление человека, в котором соединены были все представления о легендарных сибирских геологах и буровиках...* (А. Ананьев. Годы без войны [2]).

Косвенное указание на множественность наглядно-чувственных образов в сознании разных людей вербализуется в приведённых фрагментах посредством предложно-падежных форм личных местоимений в форме множественного числа *для них, на них* и (во втором примере) определительного местоимения *все* с семантикой обобщения.

Художественный контекст, в котором наблюдается плюральное употребление отглагольного отвлечённого существительного *представление*, может быть ещё более сложным и включать, помимо косвенного указания на множественность наглядно-чувственных образов в сознании множества людей, точное указание

на множественность объектов представления, поясняющих общий для них объект представления с «родовым» значением и выступающих в качестве «видовых» проявлений этого объекта: *Все представления о войне как о лихих кавалерийских набегах, необыкновенных маршах и геройских подвигах солдат и офицеров, – оказались устаревшими* (А. Толстой. Хождение по мукам [19]); *...То, что составляло лишь внешний блеск хрустальных люстр, ковров, мебели, картин, сервизов, статуэток и блюд, и было тем, что в сознании простых людей обычно связывается с представлениями о барстве...* (А. Ананьев. Годы без войны [2, с. 522]).

В данных примерах косвенное указание на множественность наглядно-чувственных образов в сознании большого количества людей осуществляется с помощью определительного местоимения *все* с семантикой обобщения и словоформы *людей*. На множественность объектов представления точно указывают «правые» распространители существительного *представления*, функционирующие в предложении как однородные члены. Они же и поясняют «обобщающий» объект представления: набеги, марши, подвиги → войну; (блеск) люстр, ковров, мебели, картин, сервизов, статуэток и блюд → барство.

Во всех четырёх последних фрагментах из художественных прозаических произведений подчёркивается весьма абстрагированный характер представлений, тяготеющих в своей совокупности к понятию, ибо все они воображаемые картины.

Итак, будучи когнитивной номинацией, девербатив *представление* входит в ядро ЛСП представления как одно из ключевых наименований и располагается в зоне пересечения нескольких когнитивных пространств: субстанциональности и процессуальности, воспоминания и воображения, прошлого и будущего, реального и нереального.

Называя соответствующую когнитивную категорию, опредмечивая и категорируя действие как целостную ситуацию, отвлечённое отглагольное существительное *представление* отражает специфику наглядно-чувственного образа, совмещающего в себе свойства восприятия и понятия, «бытующего» в формах воспоминания и воображения, объединяющего прошлое и будущее, действительное и желаемое.

Многостороннее отражение переходной и синкретичной когнитивной сущности представления становится возможным благодаря гармонизации или разному соотношению в грамматической семантике существительного *представление* субстантивного и глагольного компонентов, а также его плюральному употреблению в художественной прозаической речи.

Список литературы

1. Абдуллаев Х. Н. Валентные свойства отглагольных существительных в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ташкент, 1987. 22 с.
2. Ананьев А. А. Годы без войны: в 2-х т. М.: Известия, 1982. 1056 с.
3. Голайденко Л. Н. Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 3 (131). С. 140-145.
4. Голайденко Л. Н. Категория числа существительных как грамматическое средство выражения семантики представления в художественной прозе // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы современного гуманитарного знания: межвуз. сб. ст. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. Вып. 2. С. 141-150.
5. Голайденко Л. Н. Лексика со значением представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. 142 с.
6. Ирисханова О. К. Некоторые особенности категоризации отглагольных имён существительных // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. Рязань: РГПУ им. С. А. Есенина, 2000. С. 62-69.
7. Калинин Л. В. Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семасиологический анализ): автореф. дисс. ... д. филол. н. Киров, 2009. 44 с.
8. Ковалёва Л. М., Агаркова Н. Э., Александрова Л. Г., Глызина В. Е., Гуревич Л. С., Кравченко А. В., Кульгавова Л. В., Яскевич Т. В. Когнитивный анализ слова: коллективная монография. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 282 с.
9. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения: монография. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
10. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов): автореф. дисс. ... д. филол. н. Томск, 2000. 55 с.
11. Новакова З. Сопоставительный анализ имён на *-ние / -ние* в русском и словацком языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1986. 19 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 23-е, испр. М.: Рус. яз., 1991. 917 с.
13. Пелевин В. О. Омон Ра. М.: Текст, 1992. 288 с.
14. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: Учебное пособие. Изд-е 9-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 432 с.
15. Проскурин П. Л. Судьба. М.: Вече, 2014. 624 с.
16. Толстой Л. Н. Война и мир: в 4-х т. М.: Эксмо, 2011. 1296 с.
17. Чернейко Л. О. Абстрактное имя в семантическом и прагматическом аспектах: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1997. 48 с.
18. Шапошникова Л. В. Семантико-словообразовательная типология отглагольных имён на *-ние (-ание, -ение)* в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 1988. 19 с.
19. az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_0220.shtml (дата обращения: 02.12.2014).
20. <http://andreev.org.ru/biblio/Rasskazi/Bezdna4.html> (дата обращения: 02.12.2014).
21. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0090.shtml (дата обращения: 02.12.2014).
22. http://bookz.ru/authors/ludmila-ulicka/iskrenne_417/page-29-iskrenne_417.html (дата обращения: 02.12.2014).
23. http://files.zipsites.ru/books/misc/pdf/okudzhava_vypiska_iz_dela.pdf (дата обращения: 02.12.2014).

24. <http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/poklon.txt> (дата обращения: 02.12.2014).
25. <http://lib.ru/PROZA/PAUSTOWSKIJ/roza.txt> (дата обращения: 02.12.2014).
26. <http://lib.ru/RUSSLIT/KOROLENKO/slepmuz.txt> (дата обращения: 02.12.2014).
27. <http://lit.lib.ru/s/sanaev/plintus.shtml> (дата обращения: 02.12.2014).
28. <http://www.lib.ru/NABOKOW/thespy.txt> (дата обращения: 02.12.2014).
29. lib.ru/FISKANDER/kozlotur.txt (дата обращения: 02.12.2014).
30. www.lib.ru/NABOKOW/king.txt (дата обращения: 02.12.2014).
31. www.litmir.net/br/?b=65896 (дата обращения: 02.12.2014).
32. www.vehi.net/pasternak/ (дата обращения: 02.12.2014).

NOUN ПРЕДСТАВЛЕНИЕ /IDEA AS COGNITIVE NOMINATION (BY THE MATERIAL OF FICTION PROSAIC SPEECH)

Golaidenko Larisa Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
Ingolaydenko@gmail.com

The article is devoted to the multiple-aspect analysis of the noun “представление/idea” – the nomination of the corresponding cognitive category, which is qualified as structural-semantic in the modern Russian philology. The substantive “представление/idea” is considered as a lexical-morphological means of expressing the semantics of recollection/imagination in the modern Russian language. Special attention is paid to the functioning of the nominative “представление/idea” in fiction prose and to the representation of the specificity of visual and perceptually-based image by it.

Key words and phrases: structural and semantic category of idea; noun “представление/idea”; functioning in fiction prose; representation of specificity of category of idea.

УДК 81'373.21

Филологические науки

В статье представлены результаты одного из аспектов исследования топонимов Приенисейской Сибири XVII – нач. XVIII в., зафиксированных рукописными текстами делового содержания; даны типологические характеристики вариантов топонимов. Наблюдения автора подтверждаются примерами из неопубликованных архивных материалов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Москва), в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (СПбФИРИ, Санкт-Петербург), а также в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК, Красноярск).

Ключевые слова и фразы: деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в.; историческая топонимика; фонетико-орфографические варианты; словообразовательные варианты; морфологические варианты; синтаксические и морфолого-синтаксические варианты топонимов.

Городилова Людмила Михайловна, д. филол. н., профессор
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
gorodilova_l@mail.ru

ВАРИАНТЫ ТОПОНИМОВ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII – НАЧ. XVIII В. ©

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Хабаровского края в рамках проекта № 13-14-27001 «Топонимия Приенисейской Сибири XVII – нач. XVIII в. (на материале памятников деловой письменности)».

Проблема вариантности топонимов издавна привлекала внимание исследователей. Так, одним из первых на топонимическую вариантность обратил внимание А. М. Селищев [11], в дальнейшем проблему вариантности топонимов исследовали и развивали такие ученые как А. В. Суперанская [12], Е. В. Ухмылина [13], Г. В. Глинских [3], И. А. Воробьева [2], Л. И. Маршева [5], З. М. Богословская [1], О. Л. Рублева [9] и др. Следует отметить, что большинство работ посвящены изучению вариативности топонимов на материале современного русского языка или говоров, письменные источники прошлых эпох для исследования данной проблемы привлекались крайне слабо. Между тем, именно памятники деловой письменности, в частности, созданные на территории Приенисейской Сибири в период ее активного освоения, отражают ранний этап формирования топонимической системы, а потому явление вариативности, отразившееся в текстах разной жанровой принадлежности, нельзя оставить без внимания.

Под **топонимическими вариантами** принято понимать разные формы именованного одного и того же географического объекта, включая случаи переименования (Выделено нами – Л. Г.) [2, с. 211; 12, с. 200; 13, с. 218].